

Алекс Экслер

Лелик едет на рыбалку

Лелик

Алекс Экслер

Лелик едет на рыбалку

«Автор»

Экслер А.

Лелик едет на рыбалку / А. Экслер — «Автор», — (Лелик)

© Экслер А.

© Автор

Содержание

Алекс Экслер	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Алекс Экслер Лелик едет на рыбалку

Телефон зазвонил неожиданно. Собственно, Лелику никто не мешал выключить его на ночь, точнее, на период, когда Лелик спал, но он до сих пор наивно верил, что в один прекрасный день телефон зазвонит, и в трубке раздастся любимый Наташин голос. Конечно, Лелику в его тридцать лет следовало быть менее наивным, но бездонные Наташины глаза сильно повлияли на некоторые черты его характера.

Поначалу Лелик вовсе не собирался подходить к телефону, потому что, судя по внутренним ощущениям, было никак не позже семи утра, а для него это была такая несусветная рань, что даже обожаемая Наташа сразу рисковала получить несколько «теплых» словечек, если бы вздумала звонить так рано. Тем более, что Наташа и не могла звонить, потому что накануне Лелик с ней разругался вдрызг. А у нее был не такой характер, чтобы самой просить прощения.

А телефон все звонил и звонил. Наконец, перестал. Лелик попытался опять заснуть, но телефон снова ожил. «Моп твою ять», – подумал Лелик, решив все-таки подойти к телефону, чтобы убить звонящего гневным словом. Кое-как он поднялся, по пути взглянул на свое отражение в зеркале, по результатам осмотра пробормотал матное слово, дотащился до телефона, поднял трубку и с ненавистью сказал:

– Ну?

На том конце послышался веселый голос Макса.

– Лех, – закричал он, – я тут вычитал, что на Земле – почти двести пятьдесят стран.

– Макс, – заорал в ответ Лелик, – а ты не мог выбрать более подходящее время, чтобы сообщить мне эту волнующую новость?

– Ты представляешь, – не слушая его, орал Макс, – двести пятьдесят стран, а мы с тобой – попали! Это же какая маленькая вероятность была! Одна двести пятидесятая! Не, Лелик, я точно разочаровался в теории вероятности! Могли родиться в Португалии, в Италии, в Грузии, наконец, а попали – сюда. В совок! Ну не скотство?

– Слушай, – безнадежно сказал Лелик. – Мне можно положить трубку и отправиться спать? Я хочу тщательно обдумать эту информацию. И еще очень хочу послать тебя в пешее эротическое путешествие, чтобы ты, зараза, не звонил так рано, чтобы сообщить какую-то ерунду.

– Лелик, – ответил Макс, – расслабься. Это было просто лирическое вступление, чтобы поднять у тебя настроение.

– Ага, – язвительно сказал Лелик. – Поднял, как же. Я аж вою сейчас от восторга.

– Блин, ну хватит нюнить, – в свою очередь возмутился Макс. – Я, между прочим, по делу звоню.

– Знаю я твои дела, – поморщился Лелик. – Меня после прошлого дела чуть с работы не выгнали. Знаешь же, что я плохо умею останавливаться, так нет – обязательно надо меня в какую-нибудь историю втравить. Ты, Максимка, мой злой гений и демон-искусатель.

– Точно, – польщено сказал Макс. – И я даже знаю – за какое место я тебя сейчас искусаю.

– Не придирайся к словам, – ответил Лелик. – Лучше говори быстро – зачем звонишь. А то я торчу в коридоре, словно какой-то Апполон занюханный. Так недолго все приделки простудить.

– Лех, хочешь поехать на рыбалку? На настоящую генеральскую рыбалку!

– Ну, хочу, – протянул Лелик. – В принципе, хочу, – поправился он, помня, что Максовы обещания обычно редко соответствовали действительности. – А что за рыбалка? Небось, при-

везешь к прапорам в Монино, нахрюкаемся водки, и вся любовь? Из серии – удочки не брать, из машины не выходить?

– Какие прапора? – возмутился Макс. – Это Серега – мой брат – приглашает. Он же полковник. Сказал, что меня, непутевого, возьмет, если я тебя с собой прихвачу. Ему твои песни нравятся.

– Ага! – понял Лелик. – Значит тебя без меня не возьмут. Так-с, надо подумать, какую мзду с тебя за это слупить. Дашь мне твою вельветовую итальянскую курточку поносить на рыбалке? Там же, небось, девушки будут.

– Ну ты, парень, и обнаглел! – Макс аж задохнулся от возмущения. – Я тебя на шикарную рыбалку приглашаю, а ты с меня еще и мзду требуешь? Может тебе еще и сто баксов отдать, которые я в прошлом году занимал?

– Сто баксов не надо, – ответил Лелик. – Я про них и думать забыл, потому что ты все равно никогда не отдашь. А вот курточку поносить хочется. Она мне больше идет, чем тебе. Курточка сшита на представительного мужчину, а не на такую глисту, как ты.

– Глиста, не глиста, – не обиделся Макс, – а Светка-то в прошлые выходные на меня запала, сколько ты там ей не зудел о Набокове и не гадал по руке, херомант фигов.

Лелик насупился. Эту историю вспоминать было неприятно. Действительно, он почти весь вечер обрабатывал симпатичную девчущку, которая вроде бы прониклась к его напыщенному витийству большим интересом, но когда Лелик отправился за очередным коктейлем, негодяйский Макс увел ее потанцевать, а через некоторое время они исчезли в одной из комнат дачи. Лелик так разобиделся, что утром не дал Максусу денег на электричку, и тот добирался до города на попутках.

– Кстати, – прервал его воспоминания Макс. – Брат-то – мой. Без меня ты тоже бы ни на какую рыбалку не поехал. Кроме того, девушек там не будет. Сугубо военная компания подбирается. Квакнем как следует, порыбачим, побалакаем с высшим офицерским составом. Они знаешь какие истории классные рассказывают. Заодно и материала для своей графомании наберешься.

Лелик задумался. Макс хорошо знал, чем зацепить приятеля. Потому что Лелик на одной из пьянок как-то долго излагал Максусу свою теорию, по которой следовало, что практически все более-менее известные писатели на самом деле описывают события, которые случались или у них самих, или у их знакомых. Реальная жизнь, как считал Лелик, всегда выглядит намного интересней, чем любая выдумка. Макс этот разговор запомнил, поэтому решающим аргументом, чтобы склонить Лелика принять участие в очередном своем безумном проекте, как раз и была фраза: «заодно и материала наберешься».

– Ладно, – решил Лелик. – Уговорил, змей коварный. Когда, куда, во сколько, на сколько и что брать?

– Завтра с утраца и поедем, – сообщил Макс. – От тебя требуется только бутылка коньяка, потому что там будет море водки, а мой Серега пьет только коньяк.

– Ну, здрассте, – сказал Лелик. – Ты что, не знаешь, какие сейчас времена? В винный магазин надо полдня стоять. Что я, на этот коньяк пол субботы гробить буду? Твой брат, ты и покупай.

– А я и покупаю, – рассердился Макс. – И Серега покупает. Сам же знаешь, больше пары бутылок в руки не дают, а мы на два дня едем. Серега что – одну бутылку два дня пить будет? Так что ты давай, не ерепенься, а быстро отправляйся в магазин. Не такая уж большая проблема. Заодно в очереди понаблюдаешь за жизнью простого народа. Это тоже для романа пригодится.

– Да нафик мне сдался твой простой народ! – ответил Лелик. – Сам за ним наблюдай.

– Все, Леха, мне самому в магазин убегать пора. Давай шуруй, а завтра встречаемся в 10 ноль-ноль у моего подъезда, – и в трубке зазвучали короткие гудки.

Лелик бросил трубку на аппарат, лениво потянулся, зевнул так, что на люстре в гостиной зазвенели хрустальные подвески и стал решать – что и в какой последовательности делать: принять ванну, побриться, позвонить Наташе, чтобы подышать в трубку, а потом отправляться в магазин, или сначала тащиться в магазин, а потом уже бриться и из ванной звонить Наташе.

Внезапно затрещал дверной звонок. Лелик подтянул трусы и пошел открывать. На пороге стояла соседка Ира.

– Здорово, Лелик.

– Приветствую, Ириночка, – почтительно ответил Лелик.

Он всегда с Ирой разговаривал почтительно, потому что хорошо знал ее мужа – Мишу Красюка, который в прошлом был чемпионом Москвы по дзюдо. В настоящее время Миша состоял в ассоциации каскадеров и частенько снимался в фильмах на ролях жутких бандитов. Кинематографисты очень любили Мишу, потому что он был два метра ростом, шириной в полтора метра от плеч до ног, и внушал ужас пополам с трепетом всем, кто его видел. В доме у Лелика был установлен обычный лифт, куда обычно спокойно помещалось четыре человека, но когда там ехал Миша, даже ребенку места не оставалось.

– Слышь, Лелик, – сказала Ира. – Не хочешь со мной прогуляться в винный магазин? А то Красюк за коньяком послал, потому что к нему вечером кто-то с киностудии должен приехать, а мне одной скучно.

– А чего Красюк сам не пойдет? – спросил Лелик. – Ему же в очереди стоять не надо.

– Ты понимаешь, -замялась Ирина, – вчера его новый фильм обмывали. У него там первый раз роль со словами была. Надо было двух мужиков засунуть в унитаз и сказать главному герою: «По стакану за каждого». Так что он до сих пор спит на рояле.

У Красюка дома в маленькой двухкомнатной квартире стоял огромный концертный рояль, который практически целиком занимал одну комнату. На нем в жизни никто никогда не играл, но Красюк считал, что рояль развивает в нем чувство прекрасного, поэтому после особенно крупных пьянок обожал на нем засыпать.

– Какие вопросы? – засуетился Лелик. – Для тебя, а особенно для Красюка, я готов на все. Тем более, что мне тоже коньячку надо прикупить.

Он быстро оделся, и они с Ирой отправились к винному магазину. Там, как обычно в период борьбы правительства с народным алкоголизмом, стояла жуткая очередь. Они пристроились в самый конец и спокойно стояли, болтая о том, о сем. Часа через три они потихоньку приблизились к крылечку магазина, где стояло несколько добровольцев, следящие за тем, чтобы никто не лез без очереди.

Лелик на самом деле не перебаривал все эти скопления простого народа, потому что считал себя настоящим, потомственным интеллигентом, а пролетариат не любил и побаивался. На ближней к Лелику стороне стоял пропитой парень, совершенно жуткого вида: небритая рожа, лиловый синяк под правым глазом и какая-то невообразимая блямба под левым. Лелик, глядя на него, вспомнил какой-то старый анекдот и улыбнулся. К несчастью, улыбка не прошла парнем незамеченной.

– Че лыбишься, интилихент фигов? – набычившись, спросил тот, с ненавистью глядя на холеного Лелика.

– Я? – растерялся Лелик. – Я... ничего. Я просто так. Улыбнулся своим мыслям.

– Мыслям он, значить, улыбнулся, – распялял себя парень. – Он у нас умный слишком. Он у нас рабочий класс презирает. Смеется над ним. А ты, сука, – заорал парень, – хоть раз руками работал? Хоть что-то сделал своими руками, сволочь? Все на нас жируешь, на простом народе! А туда же, за водкой поперся! Пшел вон из очереди! Иди пить свои мартини! Нечего у работяг водку отбирать!

– Мужики! – заорал парень, обращаясь к очереди, – этот хрен только что без очереди пролезть хотел! Я его засек!

Очередь набычилась и строго посмотрела на Лелика.

– Да вы что, мужики, – совсем растерялся он. – Я же с самого начала стоял. Вы же видели!

– Кто видел? Кто видел? – заорал парень, бешено вращая глазами. – Никто не видел. А ну, пшел отсюда, пока я тебе бубен не выбил!

Тут в разговор вмешалась Ирина.

– Чего орешь, козел? – спросила она. – Он со мной все время стоял.

– И ты, курва, туда же? – заверещал мужик. – Ребята, он еще и бабу свою протащить хочет. А ну, гоните их из очереди!

– Ир, – расстроено сказал Лелик. – Пойдем отсюда. Терпеть не могу скандалы с этим быдлом. Все равно не успокоятся. А мне все эти сцены из Павли Корчагина – во как надоели. Вот куплю пулемет, тогда можно будет спокойно за вином ходить.

– Ладно, – зловеще сказала Ирина. – Ты, Лелик, постой тут в сторонке, а я сейчас за своим благоверным схожу. Он наверняка уже проспался.

Ира отправилась домой, а Лелик отошел к кустам, которые росли неподалеку. Очередь потихоньку успокоилась, только этот мерзкий парень все время поглядывал на Лелика и делал ему оскорбительные жесты.

Через пять минут возле крыльца возникла зловещая фигура Красюка, за которым быстрым шагом семенила Ирина.

– Кто? – коротко спросил Красюк, раздувая ноздри.

– Вот этот, – Ира ткнула пальцем в парня с синяками.

Красюк тяжело посмотрел парню в глаза, от чего парню сразу сильно поплохело, потом одной рукой взял его за пояс, другой за ворот рубахи, перевел парня в горизонтальное положение и швырнул тело в кусты, до которых, между прочим, было метров пять. За траекторий полета парня с замиранием сердца следила вся очередь. Когда парень грохнулся в кусты, вся очередь шумно выдохнула.

– Так, – сказал Красюк. – Лелик, шуруй сюда.

Лелик быстро подбежал к Красюку и стал ждать дальнейших распоряжений.

– Пошли внутрь, – хмуро сказал Красюк.

Лелик взглядом изобразил полную боевую готовность. Впрочем, внутрь зайти было довольно сложно, потому что народу там было набито – как сельдей в бочке. Но Красюка подобные бытовые мелочи не интересовали. Он попер в магазин напролом так, что народ просто выдавливался из магазина на крыльцо. В его кильватере шел довольный Лелик. Люди в магазине, конечно, поначалу возмущались, но когда оборачивались и лицезрели Красюка во всей его боевой красе, предпочитали отводить глаза в сторону и делать вид, что так и нужно. Они быстро взяли коньяка (причем, продавец даже и не пикнул, когда Красюк потребовал пять бутылок), и Лелик отправился домой.

Оставшиеся субботние часы прошли как-то невнятно. Лелик залез в ванную, долго там валялся и читал свои стихи. Они ему явно нравились. Потом Лелик взял почитать стихи знакомого поэта Фуфайкина, и они ему тоже неожиданно понравились. Лелик расстроился, бросил тетрадку на пол ванной и стал в уме сочинять стихотворение. Но в голове все время крутилась только одна фраза «Топор палача», после чего Лелик вспомнил, что надо побриться.

Вечером Лелик валялся на диване и грустил. Когда состояние легкой грусти достигло своего апогея, он не выдержал, снял трубку и набрал телефон Наташи.

– Але, – кокетливо раздалось на том конце.

– Наташ, – Лелик откашлялся. – Это я. Лелик.

– Да уж слышу, что не Майкл Джексон, – голос Наташи сразу обledenел.

– А я завтра на рыбалку собираюсь, – поведал Лелик.

– Ну?

– Что «ну»? На генеральскую рыбалку, между прочим, – обиделся Лелик на такое отношение.

– Ну?

– Чего тебе оттуда привезти? – поинтересовался Лелик, стараясь направить разговор в нужное русло.

– Норковое манто и кольцо с брильянтом, – ехидно ответила Наташа.

– Наташ, я из рыбки имею в виду, – почти взмолился Лелик.

– Я тоже твою рыбку имела в виду! – фыркнула Наташа. – Воблу привези. Сушеную. И сам ее сожри! – и бросила трубку.

– Вот жучка! – вслух произнес Лелик, совсем расстроился и решил выпить.

Между тем, в доме выпить было нечего. Кроме, конечно, свежкупленной бутылки коньяка. «Отпить, что ли, грамм пятьдесят? – подумал Лелик. – Там же пробка завинчивающаяся. А Максу скажу, что попробовал в магазине, чтобы всякую подделку не подсунули».

Эта мысль настолько обрадовала Лелика, что он мигом соскочил с дивана, помчался на кухню, зверским жестом свинтил пробку и налил себе стопку. Немного постоял в предвкушении, а потом задумчиво выпил. В животе сразу потеплело.

Лелик поплелся в гостиную, лег на диван и стал прислушиваться к внутренним ощущениям. На душе довольно скоро тоже потеплело. Лелик стал представлять, как он через какое-то время прославится, получит Нобелевскую премию по литературе, а Наташа увидит по телевизору его триумф и станет кусать себе локти. Картина была – просто упоительная. Но тут Лелик сообразил, что надо заранее прорепетировать речь перед нобелевским комитетом, а к такому делу без дополнительных пятидесяти граммулек не подойдешь.

Он опять сбегал на кухню, быстренько набулькал коньяка и уже залпом выпил, потому что смаковать было некогда. После этого Лелик вольготно расположился на диване и стал репетировать:

– Господа! – хорошо поставленным голосом начал он. – Каждый человек проходит свой собственный путь. Но у обычного человека – обычный путь. Родился, учился, женился, работал и умер. А у поэта – особенный путь. Поэт, господа, рождается и умирает в каждом своем стихотворении. Каждая строчка его стихов отнимает часть его души, часть сердца («И печени, – подумал Лелик»). Именно поэтому, господа, поэты сгорают так быстро, – тут глаза у Лелика увлажнились.

Он быстро сбегал на кухню и хлопнул еще стопку, чтобы успокоиться. Потом внимательно посмотрел на бутылку, схватил ее с собой и побежал к дивану.

– Так вот, господа! – Лелик величественно взмахнул бутылкой. – Ваше признание моих заслуг – крайне лестно, но я вас уверяю, что высокая комиссия ошиблась. Не я, поэт, заслужил эту премию и мировое признание («Шум в зале, – подумал Лелик»). В полной мере ее заслужил только Бог! Именно Бог, потому что он водит моим пером, а я – только генератор («Нет, лучше сказать – трансформатор, – уточнил про себя Лелик») его Божественного Слова. Поэтому я благодарю высокое собрание, но вынужден отказаться от получения ста тысяч долларов, которые хочу передать... («Кому бы передать такую кучу деньжищ?») которые хочу передать обществу анонимных алкоголиков! («Бешеная овация в зале, все встают, – попытался Лелик и перевел дух»).

За время этой краткой речи Лелик успел несколько раз приложиться к бутылке, поэтому пребывал уже просто в состоянии эйфории. Но тут внезапно он представил Наташу, которая смотрит по телевизору его выступление, доходит до места, где он отказывается от денег и произносит:

– Я так и думала. Лелик, ты всегда был – дурак-дураком!

Эта мысль его несколько расстроила, но корректировать нобелевскую речь уже не было сил. Тогда он решил позвонить Наташе и спросить ее мнения о подобном поступке нобелевского лауреата. Набрал номер, Наташа сняла трубку и сказала:

– Игоречек! Это ты, солнышко?

Лелик повесил трубку, и скупая мужская слеза как-то сама вскипела в правом глазу. Он некоторое время полежал, жалея себя и негодуя по поводу хамского поведения Наташи, а потом и не заметил, как заснул.

«Нас утро встречает прохладой...» неожиданно колоколом зазвенело у Лелика в голове, потому что как истинный поэт он на любое событие реагировал чем-то стихотворным. Сознание потихоньку выплывало из ночных кошмаров (Лелику почему-то снилось, что он женится на Фуфайкине) и начинало оценивать обстановку. Оказалось, что уже утро, а Лелик валяется на диване у открытого окна и замерз как цуцик, несмотря на изрядную долю горячительного, принятого накануне.

При воспоминании о горячительном Лелик помрачнел. В коньячной бутылке оставалось грамм 48, не больше. А без бутылки на рыбалку ехать не имело никакого смысла, потому что Серега был мужичком очень серьезным и подобного халатного отношения к делу не прощал. Но на рыбалку поехать очень хотелось, поэтому Лелик стал напряженно шевелить мозгами. Получалось, что как ни шевели, а единственный выход – это отправляться на поклон к Красюку. Потому что до отъезда оставалось буквально полчаса, а в магазин никак было не успеть.

Лелик встал, оделся, кое-как умыл помятое лицо и отправился к соседям. На звонок вышла Ирина.

– Ир, – сказал Лелик просительно, – ты мне бутылку коньяка не продашь? А то – во как надо, но в магазин уже не успеть. Я как вернусь через день, так сразу отдам.

– Э, брат, – ответила Ирина, – на подобные темы надо с Красюком разговаривать. Я самовольно не могу алкоголь из дома выносить. Убьет. Сейчас спрошу, может ли он тебя принять, – и она отправилась в квартиру.

Лелик поехал. Просить коньяк у Красюка было опасно, но другого выхода не было.

– Шуруй, – сказала вновь появившаяся Ирина. – Мсье Красюк готов вас принять в гостиной.

Лелик осторожно зашел в квартиру и направился в гостиную. Там на крышке рояля вольготно расположился Красюк в трусах, прихлебывая кофе из литровой кружки.

– Ну, – спросил он, поглядывая на Лелика красным глазом.

– Миш, привет, – заторопился Лелик, чувствуя себя очень неудобно. – Я хотел по соседски одолжить на денек бутылку коньяка. А то на рыбалку собрался, там для одного полковника коньяк нужен, а у меня – нету.

– А куда вчерашнюю дел? – поинтересовался Красюк.

– Как куда? – растерялся Лелик. – Выпил, конечно. Вчера же суббота была.

– Ага. Выжрал, – удовлетворенно произнес Красюк. – Что доказывает неоспоримый факт: интеллигенция сейчас пьет до синих крокодилов точно так же, как и простые люди. Ведь правильно?

– Дык, – сказал Лелик и фальшиво хихикнул. – Пьем, куда же деваться? Потому что очень большое давление испытываем.

– Это вы-то давление испытываете? – изумился Красюк. – Да вы и не знаете – что такое давление! Давление – это когда на тебе лежит туша в двести килограмм, которая твою ногу натягивает на твое же ухо. Хочешь, продемонстрирую? Полезай на рояль.

– Миш, а тебе верю на все сто процентов, – заторопился Лелик. – Ты не сомневайся. Просто мне коньяк очень нужен, – попытался Лелик перевести беседу в нужное русло.

– Ладно, – великодушно сказал Красюк. – Выдам тебе одну бутылку, только с условием, что вернешь две, да еще и рыбки привезешь. Я свежую рыбку люблю.

– Как скажешь, – ответил Лелик. – Спасибо тебе большое.

– Ну, иди, – напутствовал его Красюк. – А то мне над ролью надо подумать.

Лелик забрал бутылку, быстренько забежал домой, взял кое-какой одежды на случай ночного холода, гитару и побежал к дому Макса.

Макс уже ждал Лелика у подъезда. Видно было, что вечер субботы у него тоже прошел довольно бурно, потому что глаза Макс скрывал за черными очками.

– Жил был один человек. Однажды он надрызгался, лег спать и попросил его не будить, – процитировал Макс при виде Лелика.

– А чего? – поинтересовался тот.

– Я говорю, рожа у тебя – как будто ты всю ночь с Фуфайкиным квасил. Угадал?

– Ничего подобного! – возмутился Лелик. – Я работал.

– Ага, – язвительно отреагировал Макс. – Печенью. Небось, опять нобелевскую речь репетировал? «Господа! Поверьте, я не достоин такой высокой чести!» Да?

– Блин, а ты откуда знаешь? – удивился Лелик.

– А ты мне эту речь уже раз пять на пьянках цитировал. Не помнишь, что ли?

Лелик задумался. Он не помнил. «Плохо дело, – подумал Лелик. – Пора уже пить бросать. Хотя бы на пару дней»

– Ладно, – Макс прервал его мыслительный процесс. – Коньяк принес? Или ты его и выпил?

– Ну конечно, – обиделся Лелик. – С чего это я его буду пить? Я же не алкаш, как ты.

– И я не алкаш, – ответил Макс и гордо добавил: – Я – горький пьяница! А ты – поэт. Это же так и разделяется. Если просто пьешь, то значит – алкаш. А если пьешь и выдаешь при этом всякую чушь, значит поэт.

– Макс! Ты бы не грузил меня с утра, – просительно сказал Лелик. – Я и так загружен уже – по самый чердак. Мало мне утренней беседы с Красюком в неглиже, еще и ты будешь свои подколки подкалывать. Лучше очкиними, покажи себя во всей красе.

Макс снял очки. Лелик даже поперхнулся, потому что зрелище открылось – прям для картин Сальвадора Дали.

– Это где тебя так? – спросил Лелик, глядя на огромный фингал под Максовым красным глазом.

– В троллейбусе, – довольно ответил Макс. – Представляешь, два амбала к девушке приставали.

– И что? – недоуменно спросил Лелик. – У тебя хватило ума ее защищать?

– Конечно нет. Просто у одного амбала из сумки торчала бутылка водки, я ее быстренько и слямзил, пока они с этой дурой трепались. Ты же знаешь, у меня денег нет, а выпить хотелось. Суббота же, святое дело. Главное, они сразу ничего не заметили. Я сошел на следующей остановке, только достал бутылку и булькнул пятьдесят капель, чтобы домой веселей было идти, как из троллейбуса выходят эти пряники, один видит этикетку на моей бутылке, хмурится и тут же лезет к себе в сумку проверять. Водка – ты представляешь? – оказалась какая-то коллекционная. Такая в магазинах не продается.

– И что? – с интересом спросил Лелик.

– Что-что? – недовольно ответил Макс. – Один амбал у меня осторожно взял бутылку, а другой треснул в глаз. Я упал и затих. Они подумали, что меня убили и стали отпаивать водкой. Короче, мы потом подружились и пошли в какой-то кабак. Чего там дальше было, не очень помню. А вот по пути домой я подвиг совершил.

– Господи! – сказал Лелик. – Какой подвиг? У пионера пачку сигарет отнял, что ли?

– Нет, – радостно ответил Макс. – Я шел на четвереньках для устойчивости, прохожу мимо мусорки, а там лежат два автомобильных номера. Я один в зубы взял, а другой сзади к джинсам прицепил. Так домой и пополз.

– Небось, вообразил себя последней моделью Ягуара? – поинтересовался Лелик.

– Это только ты всякие дурацкие машины любишь, – ответил Макс. – У меня твоей гордыни нет. Я был просто малолитражкой. Кстати, меня через пятьсот метров гаишники остановили. Правда не сразу, а когда отсмеялись. Конфисковали номера, записали мои координаты, а сегодня утром уже звонили с благодарностями. Оказывается, они поймали ту самую угнанную машину, номера от которой я подобрал.

– Герой! – сказал Лелик. – Павлик Морозов и Лиза Чайкина в одном лице. Кстати, Серега твое лицо уже видел?

– Нет, – ответил Макс и быстро одел очки. – Что-то он запаздывает.

В этот момент к скамейке подъехала Волга, откуда вышел Серега и какой-то крупный мужик.

– Лелик, привет, – сказал Серега, пожимая Лелику руку. – Гитару взял?

– А то, – ответил Лелик. – Я без гитары – никуда. Рабочий инструмент, можно сказать.

– Ага, ага, – рассеяно ответил Серега, внимательно глядя на Макса.

– Але, гараж, – обратился он к Максиму. – Опять в историю попал, дитя природы? Когда ты человеком станешь, в конце концов! Мы собрались на серьезное мероприятие, а ты опять выглядишь как бомж. А ну, сними очки.

Макс покорно снял очки.

– Наполеон после Ватерлоо, – прокомментировал открывшуюся картину крупный мужик.

– Хуже, – ответил Серега. – Это Павлик Морозов после дружеской беседы со своим папой. Надо ему второй фингал поставить, так сказать, для симметрии.

Макс снова надел очки и заявил: – А издеваться, между прочим, не обязательно.

– Ладно, – махнул рукой Серега. – Раз тебя ПТУ не исправило, значит не судьба уже. Кстати, – он посмотрел на крупного мужика. – Знакомьтесь. Это Юра – рейнджер. Боевой мужик. Пять лет за границей работал.

– Лелик – поэт, – познакомился с Юрой Лелик.

– Макс – разбандяй, – сунул ему руку Макс.

После того, как все перезнакомились, компания загрузилась в Волгу и отправилась на рыбалку.

Сергей сидел за рулем, рейнджер расположился рядом с ним, а Макс с Леликом вольготно устроились сзади и обзоредали окрестности. Макс даже снял свои черные очки, чтобы не пропустить ни одной детали подмосковного пейзажа. Впрочем, он это явно зря сделал, потому что Сергей примерно раз в пять минут оборачивался, пристально обзоредал Максиму колоритную физиономию, восхищенно произносил: «Ну и рожа у тебя...», после чего поворачивался обратно, в последнюю минуту избежав столкновения со встречной машиной.

А Лелик вдруг вспомнил, как он познакомился с Максом. Учились они в одной школе, но Макс был на класс старше, так что во время учебы они не общались. Макс в школе был личностью очень заметной, потому что постоянно совершал какие-то эпатажные выходки, чем приводил в восхищение всех учеников, за исключением педагогического состава. Более-менее тесно они за время учебы столкнулись только один раз и об этом случае очень любили вспоминать. А дело было так. Лелик после уроков ходил домой пообедать, а потом отправился в магазин «Культтовары» за тетрадками и ручками. Неподалеку от магазина он увидел Макса (который в тот момент был побрит налысо, в знак протеста против требований завуча подстричь свои длинные волосы), шедшего ему навстречу. Оба они шли так, что неминуемо должны были столкнуться. По неписанным школьным законам Лелик обязан был изменить траекторию своего движения, чтобы избежать столкновения, но он этого почему-то не сделал. Затмение на него какое-то нашло. И произошло страшное: Лелик легонько столкнулся с Максом плечом.

Оба остановились. Макс потрясенно посмотрел Лелику в глаза, легонько ткнул его кулачком в скулу и отправился дальше.

Уже после окончания школы, когда они подружились, Макс очень любил вспоминать этот эпизод и говаривал:

– Лех! Вот видишь! Даже тогда проявились наши внутренние интеллигентность и благородство. Не было произнесено ни одного, позорящего нас слова. Никаких тебе «Ты, козел, куда прешь, твою маму!» Никаких безобразных драк и так далее. Ты, прям как д'Артаньян, по молодости и горячности совершил проступок, за который должен был понести наказание. Я, оценив твой молодой порыв, произвел отеческое внушение максимально мягким образом. После этого мы довольные разошлись. Ну не прелесть?

А подружились они тогда, когда Лелик был на первом курсе института. Он возвращался домой с какой-то пьянки и, дожидаясь автобуса у метро, внезапно увидел Макса, который тоже возвращался с изрядно увеселительного мероприятия. Стоять было скучно, они переглянулись, поздоровались и заболтались настолько, что даже не заметили, как доехали до своей остановки. Там вышли, Лелик проводил Макса к его дому, где они потрепались часок, затем Макс пошел Лелика провожать к его дому, где они тоже потрепались часок. Собственно, так они до семи утра и трепались, расхаживая от одного дома к другому. После этого и подружились.

Тут Волга остановилась у закрытых ворот какой-то войсковой части, прервав Леликовы воспоминания. Сергей нажал на гудок и оглашал окрестности до тех пор, пока из будки пропускного пункта не выскочил какой-то солдатик.

– Чего гудишь как пароход на случке с паровозом? – заорал солдатик, увидев в машине людей в штатском. – Здесь секретная зона! Разворачивайся, пока я тебе заряд не вклеил.

– Имя, фамилия, воинское звание! – отрывисто бросил Сергей, глядя солдатику прямо в глаза.

Лелик был поражен перемене, которая в одну секунду случилась с лицом Сергея. Минуту назад это был добродушный и улыбающийся человек, а сейчас стал похож просто на Чингисхана какого-то. «Мне бы так уметь, – с завистью подумал Лелик, но в глубине души он понимал, что никогда так не сможет, даже если наденет генеральские погоны»

– Упал, отжался, салага! – неожиданно пискнул Макс, высунув голову из окна, приведя солдатика в шок своим огненным взглядом.

– Сержант Капустин! – отрапортовал солдат, встав по стойке смирно.

– Быстро звони заму по тылу и сообщи, что полковник Лисицын с группой офицеров уже на месте, – скомандовал Серега и солдатик помчался выполнять приказание.

– О! – приятно удивился Макс. – С группой офицеров! Я польщен.

– А ты что, не офицер, что ли? – спросил его Сергей. – Ты же в институте какого-то вшивого лейтенанта получил. И Лелик тоже. Так что вы паршивые, конечно, но офицеры. Формально.

– Мог бы, кстати, брату хоть раз капитана присвоить, – припомнил старые обиды Макс.

– Здравсте! – возмутился Сергей. – Я тебя на каждое 23-е февраля спрашиваю – чего тебе дарить: капитана присвоить или денег подкинуть. Сам же все время денег просишь, бездельник. А еще претензии какие-то предъявляешь.

– А зачем мне капитан? – неожиданно передумал Макс. – Форму все равно не дадут. А без формы капитаном быть не интересно.

– Ой, Макс, не смей меня! – вмешался в разговор Лелик. – Ты на себя посмотри. Худой же, как Кащей Бессмертный после медового месяца с Василисой Прекрасной. Какая форма? Это же пародия на всю русскую армию будет!

Макс хотел было возмутиться, но в этот момент открылись ворота части, откуда выехал Уазик. Из машины выскочил майор с усталым лицом, который подошел к их Волге и стал здороваться с Сергеем.

– Вот, товарищ зам по тылу, – сказал Сергей. – Привез я вам своих товарищей, чтобы скучно на рыбалке не было. Знакомьтесь. Подполковник Дубинин, – он махнул рукой в сторону рейнджера. – И группа товарищей, – Сергей махнул рукой в сторону заднего сидения.

– Майор Хомяков, – представился зам по тылу Юре. – Но меня тут все зовут просто Тыл. – Приветствую, – кивнул он головой в сторону Лелика и Макса.

– Здравсте, – развязно сказал Макс. – Позвольте представиться. Потомственный иудейский индей – Максим Васильевич Бычий Глаз.

– Это мой брат, – объяснил Тылу Сергей. – В семье, как говорится, не без этого... Он всегда из себя придурка корчит. А вот когда напьется, ему и корчить не надо. Вы его, товарищ майор, на всякой черной работе используйте. Дрова, там, поколоть, костер развести.

– Договорились, – ответил Тыл. – Генерал у меня там в машине сидит. Знакомиться будем, когда на место приедем. Так что вы следуйте за мной в колонне сзади. Тут ехать не долго. Минут двадцать, – и майор отправился к Узику.

– Слышь, Макс, – лениво сказал Серега, когда майор отошел. – Ты компанию-то – дифференцируй. Это со своими можешь язык распускать. А здесь – старший офицерский состав. Будешь умничать, подобьют тебе второй глаз в один момент. Имей в виду, что я даже вмешиваться не собираюсь.

– Не подобьют, – ответил Макс. – Меня Лелик защитит. Правда, Лелик?

– Ага. Как же, – язвительно ответил Лелик. – Ты будешь языком болтать, а мне за тебя люлей получать? Обойдешься. У меня задача – культурно выпить на природе и рыбки поймать. Я Наташе обещал. А если ты опять собираешься меня в истории втравливать, имей в виду, что я сегодня играю на стороне противника.

– Нет, ну дела! – возмутился Макс. – Главное, все на меня набросились, как тигры лютые. Мужики! Да что с вами такое? Не похмелились с утра? А я тут при чем?

– Ну почему же «все»? – спросил рейнджер Юра, повернувшись к Максусу. – Я на тебя пока не набрасывался, – и он ласково и как-то не очень хорошо посмотрел Максусу в лицо. – Ты бы это сразу заметил.

– Во! – только и смог ответить Макс.

Он снова нацепил черные очки, нахохлился и забился в угол сиденья. Лелику даже стало жалко приятеля, он хотел было его развеселить, но как оказалось, они уже приехали на место.

На месте было хорошо. Огороженный участок с полянкой, на берегу Можайского моря, где все было устроено по-военному удобно и комфортно. На поляне было установлено несколько палаток (одна большая и две поменьше), ближе к лесу располагалась беседка, покрытая маскировочной тканью. Сразу за беседкой начинался лес.

Лелик вышел из Волги и тут же увидел генерала, который, пыхтя, выполз из своего Узика. Генерал был – как с картинки. Невысокий, толстый, лысый, с красным лицом и насупленными бровями.

– Здравсте, товарищ генерал, – поприветствовал его Лелик, который не очень любил военных, но генеральские звезды даже ему внушали уважение.

Генерал мрачно осмотрел Лелика с головы до ног, особое внимание обратив на его длинные волосы и шкиперскую бородку, презрительно скривился, пробормотал что-то нелестное и отправился в беседку.

Из Волги, тем временем, выполз все еще обиженный Макс.

– А чего, Максюш, хорошее местечко, не правда ли? – попытался Лелик завести с ним разговор.

– Не подлизывайся, – процедил Макс сквозь зубы. – Ты мне больше не друг. Часа на два, как минимум. Или до первого стакана.

В этот момент к ним подошел Тыл и предложил кое-что показать. Друзья, разумеется, не возражали. Тыл повел их в лес, и минут через пять компания очутилась у дверей довольно внушительного ангара.

– Как вы думаете – что там? – спросил Тыл, довольно улыбаясь.

– Тоже мне – бином Ньютона, – мрачно ответил Макс. – Какая-нибудь супер-секретная межконтинентальная ракета класса «Земля – Воздух – Вечное блаженство» Мы ею рыбу глушить будем, что ли?

– А ты как думаешь? – обратился Тыл к Лелику.

– Ну, – замаялся Лелик. – Танк какой-нибудь. Или самолет. Или вертолет. Покатаете хоть?

Тыл еще раз довольно улыбнулся, затем открыл ворота ангара и предложил зайти внутрь... Весь ангар был уставлен ящиками с московской водкой. Просто от пола до потолка. Впрочем, начиная от двери в ящиках наблюдалась значительная брешь, которая показывала, что рыболовный сезон в части начался довольно рано.

– Круто! – сказал Лелик. – Стратегические запасы Родины. Так вот какие они! Просто глаз радуется.

Глаз у него, между тем, радовался вовсе не по поводу водки. Лелик зарабатывал вполне прилично и всегда мог купить себе выпивку. А вот на Макса, который принципиально не работал уже лет десять и постоянно находился в поисках дармовой выпивки, было просто приятно смотреть. Человек прямо-таки расцвел на глазах. Макс смотрел на это изобилие с чувством глубокой нежности, и в глазу нет-нет да и вскипала слеза умиления. Лелик даже забеспокоился как бы у друга крыша не поехала от подобной картины. Внезапно Макс рванулся в ангар и стал бродить между ящиками с водкой, периодически поглаживая блестящие бока сосудов с живительной влагой.

– И брал он эти бутылки, и разговаривал с ними, – язвительно процитировал Лелик, но Макс не обратил на него никакого внимания.

– Ладно, мужики, – решительно сказал Тыл. – Полюбовались и хватит. Берите один ящик и тащите его в беседку. На завтрак должно хватить. Если что, еще сходим.

Лелик с Максом взяли ящик и потащили его обратно. По пути Макс вел себя просто кошмарно, устраивая безобразные сцены всякий раз, когда Лелик спотыкался о корень. Тем не менее, в беседку ящик прибыл целым и невредимым.

Тыл быстренько порубал колбасы, хлеба, овощей и вся компания села завтракать. Генерал приподнял правую бровь, и все наполнили бокалы. Сергей с рейнджером плеснули себе немножко коньяка, а остальным налили по полстакана водки.

– Ну, что? – спросил генерал, обведя всю компанию суровым взглядом. – Как говорится, дай Бог, чтобы не последняя?

Все промолчали.

– Ладно, – генерал поднес стакан ко рту. – Вмазали.

Все выпили. Лелик потянулся за колбасой.

– Стоп! – неожиданно крикнул генерал, и Лелик уронил колбасу к себе в стакан.

– После первой не закусывают, – объяснил Тыл.

– Салага, – презрительно сказал генерал. – Шпак.

– Негодяй, однозначно, – пискнул со своего места Макс.

Тут генерал впервые обратил внимание на колоритную Максову физиономию и спросил:

– А ты кто такой?

– Я? – приподнял брови Макс. – Я специалист по экзистенциальным обобщениям в среде метафизических барбитуратов.

– Молодчинка, – похвалил генерал. – А чего глаз бычий? От этих... как их... битуратов?

– Авария в лаборатории, – объяснил Макс. – Неожиданно вскипела химическая реакция, которая грозила жутким взрывом. Пришлось своим лицом прикрывать мензурку, как какому-то Александру Матросову.

Генерал немного помолчал, затем потребовал наполнить стаканы и произнес:

– Второй тост – за прекрасных дам.

Все встали. Кроме Лелика с Максом. Впрочем, Лелик подумал и тоже встал. Макс подумал и вставать не стал. Выпили. Сели. Начали закусывать.

– Вот ты мне скажи, – поинтересовался генерал у Лелика. – Зачем на голове такую пакость отрастил? Смотреть же противно.

– А я – творческий человек, – задорно ответил Лелик. – Мне длинные волосы творить помогают.

– Длинные волосы только в суп попадают, – твердо заявил генерал. – А чего ты там вытворяешь? Мазюкаешь?

– Он песни пишет, – сообщил Сергей. – Довольно неплохие, кстати.

– Ну, пускай споет, – милостиво разрешил генерал. – Вот еще по стакану пропустим и пусть споет.

Лелику петь вовсе не хотелось, но понимал, что придется. Тыл сходил за гитарой (он вообще не принимал участие в застолье, а только смотрел, чтобы у всех было налито), и Лелик стал ее настраивать.

– Классная музыка, – заявил генерал. – Прямо хоть сейчас на конкурс войсковой самодеятельности.

– Это я настраиваюсь, – объяснил Лелик.

– А это я шучу, – свирепо заявил генерал, хрустнув огурцом. – Давай, пой уже. Истомил всю компанию.

Лелик наконец настроил гитару и запел. Изрядно принявший на грудь генерал с интересом слушал и снабжал песню своими комментариями.

– «Оставь мне немного дневного света в твоих глазах», – пел Лелик.

– Знаю я этих тварей, – заявил генерал. – Дневного света захотел. Вот как сковородкой по лбу получишь, сразу темно в глазах станет.

– «Живой акварели дня, в твоих глазах»

– А у моей стервы один глаз зеленый, а другой – карий, – победно заявил генерал. – Я ее так и зову: зеленоблядая кареглазка.

– А вот у меня была девка, – начал было Макс, но генерал на него так цыкнул, что Макс заткнулся до конца песни. Генерал явно не терпел себе конкурентов.

– «Холст на котором я спал всю ночь, ты убрала цветами»

– Моя стерва брезент из гаража выкинула, – поведал обществу генерал. – А я на нем весь офицерский городок перетрахал. Чего мне теперь – на канистрах, что ли?

– Брезент новый достанем, – негромко пообещал Тыл.

– Тылушко ты мой, – обрадовался генерал. – Чего бы я без тебя делал? Давай, наливай еще. Больно песня душевная. Прямо вся моя жизнь.

– «Ты уйдешь, забрав их с собой, пока я сплю», – пел Лелик.

– Сколько бы не уходила, все равно обратно вернется, – заявил генерал. – Куда ей от меня деваться? Потом, знаете же, что как уйдет, я тут же буду гудеть недели две. А ей это надо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.